

**СВОБОДА, СТИМУЛ, РЕАКЦИЯ
(БИХЕВИОРИЗМ В УТОПИЯХ О. ХАКСЛИ И Б. Ф. СКИННЕРА)**

Неприятие Олдосом Хаксли классического бихевиоризма и необихевиоризма кажется очевидным — об этом на первый взгляд свидетельствуют многочисленные острополюемические пассажи в его романах и эссе, в частности его знаменитый «Дивный Новый Мир». Пристальное чтение его поздних текстов вносит неожиданные коррективы в наши представления. Так, например, выясняется, что последняя утопия Хаксли «Остров», написана не без влияния скиннеровской утопии «Уолден Два».

I. Golovacheva

**FREEDOM, STIMULUS, REACTION:
BEHAVIORISM IN THE UTOPIAS OF A. HUXLEY AND B. F. SKINNER**

Aldous Huxley's negative assessment of behaviorism seems undisputable, as one can judge by his numerous critical remarks in both fiction and non-fiction, including «Brave New World». However, rapt reading of his late writing gives us a new, revised view on the issue. For example, rereading of Huxley's last utopia «Island» reveals the influence of B. F. Skinner's «Walden Two».

Неприятие Олдосом Хаксли (1894—1963) классического бихевиоризма и необихевиоризма кажется очевидным — об этом на первый взгляд свидетельствуют многочисленные острополюемические пассажи в его романах и эссе. На наш вопрос о его отношении к бихевиоризму и, в частности, к самому знаменитому необихевиористу Б. Ф. Скиннеру (1904—1990), вдова писателя, Лаура Арчера Хаксли недовольно поморщилась и безапелляционно заявила: «Терпеть не мог!»¹. Мы, однако, этим ответом не ограничились. Данные заметки — результат нашей собственной проверки.

В романе «Дивный Новый Мир» (1932), который, на наш взгляд, следует считать главной утопией XX в., Олдос Хаксли щедро наделил героев именами властителей интеллектуальной моды первой трети XX в.:

Ленин, Маркс, Гельмгольц, Бакунин, Энгельс, Морган, Ротшильд, а также Форд, Мальтус, Троцкий и Фрейд. Есть там и имя Уотсон, также выбранное неслучайно. Хаксли полагал, что цель Джона Уотсона, родоначальника бихевиоризма, как и цель И. П. Павлова, которого писатель считал «придворным большевистским ученым», состояла в том, чтобы, поняв поведенческие механизмы, научиться ими управлять, «обуславливать» и «предсказывать» поведение. Эти слова стали знаковыми после выхода в свет манифеста Уотсона «Психология как ее видит бихевиорист» (*Psychology As the Behaviorist Views It*, 1913). Уотсон создал науку управления поведением, применив открытый И. П. Павловым механизм формирования условных рефлексов к человеку. Классический бихевиоризм реду-

цировал сложнейшие явления психики, сводя их к знаменитой формуле «стимул — реакция». Именно в недрах бихевиоризма родилась мысль о возможности успешного манипулирования человеком в смысле тренировки необходимого набора поведенческих реакций. Девизом бихевиоризма стали слова: «контроль и предсказание».

Называя «Дивный Новый Мир» «бихевиористской утопией», Б. Ф. Скиннер был прав. Так, уже во второй главе романа Олдос Хаксли почти буквально воспроизводит знаменитый уотсоновский эксперимент с младенцами и кроликами, во время которого младенцам предъявляли кроликов, что сопровождалось грохотом и воем. Иногда применялись и слабые разряды тока. Эксперимент, как и было задумано, формировал у младенцев аффективный комплекс. Действие второй главы романа происходит в Зале Неопавловского Формирования Рефлексов. Ученые и няни проводят тренинг с цветами и книгами, модифицируя интуитивное поведение младенцев, положительно подкрепляя желательные реакции и отрицательно — нежелательные. «В младенческом мозгу книги и цветы уже опорочены, связаны с грохотом, электрошоком, а после двухсот повторений того же или сходного урока связь эта станет нерасторжимой. Что человек соединил природы разделить бессильна»².

Хаксли весьма остроумно критиковал бихевиоризм во многих публицистических работах. Так, в сочинении 1937 г. «Цели и средства» (*Ends and Means*) он находит изъян в теоретических основах бихевиоризма и разрушает его фундамент средствами самой бихевиористской логики: «Если разум — всего лишь эпифеномен материи, если сознание полностью обусловлено физическими изменениями, тогда нет ровно никаких оснований полагать, что какая-либо теория, порожденная таким аппаратом, безусловно, правомерна. Следовательно, если бихевиоризм прав, то нет никаких оснований видеть превосходство той или

иной позиции, в том числе и бихевиористской. Другими словами, если бихевиоризм прав, то, скорее всего, он не прав <...>»³.

«Дивный Новый Мир» описывает новые свойства психики у жертв бихевиористского редуционизма. В этом смысле текст Хаксли продолжает уэллсовскую и замятинскую традицию изображения жертв психиатрического воздействия, подхваченную в дальнейшем Кеном Кизи в «Полете над гнездом кукушки» (1962) и Энтони Берджессом в «Заводном апельсине» (1962).

Бихевиоризм, как представлялось Олдосу Хаксли, одержим «Волей к Порядку», стремлением к аккуратности, противостоящей дикому ошеломляющему разнообразию личностей, которому он предпочитает единообразие культуры»⁴. Однако Хаксли периодически возвращался к обсуждению бихевиористских методов воспитания, очевидно, отдавая должное некоторым их преимуществам. Так, в частности, ему было известно утверждение Уотсона: не изменив фундаментально среду, нельзя сформировать новые модели поведения. Уотсон, кроме того, предлагал довольно простые методы решения как личностных, так и межличностных проблем, пригодные также для изменения общественных отношений.

Методика Уотсона при последовательном ее использовании, и в самом деле, могла бы сотворить Нового Адама Американского мифа, создать новых людей, счастливых и добродетельных из-за того, что им нравится делать все, что им поручено делать. Бихевиоризм служил и во многом продолжает служить, как о том мечтал Уотсон, «лабораторией нового общества».

В 1957 г. Хаксли пишет хвалебный отзыв о крайне тенденциозной книге британского психиатра Уильяма Сарджента (1907—1988) «Борьба за сознание. Механизмы идеологической обработки, промывания мозгов и контроля над мыслями» (*Battle for the Mind*)⁵. Книга «Борьба за сознание» анализирует взаимосвязь павловских открытий с переменами в религии, политике, которые привели, по мнению автора, к открытию

особых способов «промывания мозгов», дознания и пропагандистского одурманивания. По иронии судьбы, и сам Сарджент имел непосредственное отношение к разработке некоторых методов контроля сознания, о чем Хаксли, правда, мог и не знать. Дело в том, что Сарджент не просто пропагандировал электрошоковую и инсулиновую терапии и психи хирургию в качестве наиболее эффективных методов в терапии психических заболеваний, но и основал лабораторию для проведения опытов по контролю над сознанием в Психиатрическом отделении лондонской Больницы Св. Фомы. Кроме того, Сарджент консультировал британские спецслужбы. Очевидно, что, несмотря на то, что он знал предмет «изнутри», он не имел морального права осуждать универсальные, по всей видимости, методы «промывания мозгов» иностранными спецслужбами, так или иначе использующими открытия в области психофизиологии. Несмотря на все сказанное, именно книга Сарджента подтолкнула писателя к очередному страшному прогнозу: «Теперь, когда диктаторы вооружены систематическими знаниями о способах возбуждения мозговых функций с целью изменения и переформирования рефлексов, я реально не вижу, что может спасти несчастное человечество»⁶.

Но, продолжая критиковать бихевиористов за упрощенное понимание человеческой природы, постоянно говоря о том, что каждая личность биологически уникальна, Хаксли то и дело возвращался к обсуждению положительного воздействия их методов в области образования, педагогики и психотерапии.

Обратим внимание на то, что во второй утопии, в «Острове» (1963), Хаксли комментирует очевидные достижения скиннеровского необихевиоризма. По всей видимости, писатель, несмотря на нелюбовь к бихевиоризму, все же находил здоровое зерно в стремлении научно изменить личность, изменив окружение. Б. Ф. Скиннер, чья концепция *оперантного обусловливания* по-прежнему очень влиятельна в Соединенных

Штатах, полагал, что замещение нежелательных поведенческих стереотипов повторяющимися желательными (положительными) реакциями на специфические стимулы является эффективной терапией. Таким способом можно изменить неправильное поведение и сформировать положительные навыки общения. Он надеялся, что таким образом – через обусловливание, связанное с положительными или, напротив, нежелательными последствиями поступков, а также с положительными или отрицательными ожиданиями – будет утверждаться и контролироваться поведенческая этика.

Нет сомнений в том, что Хаксли был осведомлен о теориях Скиннера: он читал главные его работы и говорил о них в эссе и письмах⁷. Проблема этического аспекта «контроля за поведением» занимала писателя всю жизнь. Подыскивая наилучшую систему воспитания и обучения детей на острове Пала в своем последнем романе «Остров», он не обошел вниманием и скиннеровские методы. Надо заметить, что в критике этот источник философии романа полностью игнорируется. Под влиянием написанного в 1948 г. «Уолдена Два» (*Walden Two*), знаменитой практической утопии Скиннера, Хаксли использует и в собственной утопии контроль над внешней средой и положительное подкрепление для формирования совершенно «добровольного» поведения – такого, которое приемлемо для общества в целом и не противоречит интересам индивидуума. Между тем достижения рефлексологии и бихевиоризма непосредственно постулируются в тексте «Острова» в описании кормления младенца в окружении диких зверей: «Поглаживайте ребенка, когда вы его кормите: это доставит ему двойное удовольствие. Потом, пока он сосет и его ласкают, познакомьте его с животным или человеком, к которому вам бы хотелось расположить его. Пусть и они прикоснутся к ребенку, пусть он почувствует их физическое тепло. В это же время повторяйте: «добрый», «хороший». <...> Пища плюс ласка плюс тепло плюс слово «хороший»

равняется любовь. <...> Чистейший Павлов. — Павлов — во имя целей, дружбы, доверия, сочувствия. А у вас Павлов используется для промывки мозгов, для распространения водки, сигарет и патриотизма»⁸.

Скиннер, и в самом деле, создал очень стройную, непротиворечивую и во многом привлекательную концепцию. Думается, что «Уолден Два» был написан в качестве протеста против постфрейдистской и, в частности, экзистенциальной психологии. В самом деле, разве приведенные ниже слова Скиннера не выражают недовольство этими мировоззренческими системами? «Я вообще отрицаю существование свободы. Я должен отрицать свободу — в противном случае моя программа становится абсурдной. Нельзя создать науку о предмете, который столь капризно ускользает от вас»⁹. Действительно, свободный, ничем не обусловленный выбор и стремление противопоставить самореализацию личности давлению социума, по скиннеровской логике, либо вовсе не стоят внимания, так как выпадают из необихевиористской парадигмы, либо должны получить удовлетворительное объяснение в терминах «стимул — реакция».

Уникальность скиннеровской утопии состоит в том, что она написана не профессиональным литератором, а всемирно известным ученым. Его научная утопия целиком вписана в проект Просвещения. В самом деле, описанная им коммуна построена на рациональных началах, на упрощенном, несколько механистическом понимании человеческой природы и на убеждении, что построение разумного общества возможно на основе научных представлений о поведении. Роман Скиннера, помноженный на колоссальный авторитет этого ученого, создает иллюзию практической осуществимости всего, что в нем описано, ибо предлагает подробную программу создания идеальной среды для воспитания нормальных людей и для успешной поведенческой терапии любого «сбоя в программе». Лишь эффективное манипулирование стимулами и реакциями приведет к

совершенному, управляемому, бесконфликтному миру, в котором попросту не останется места для поведенческих нарушений: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека»¹⁰.

Неврозы, психические расстройства, болезни и связанное с ними асоциальное поведение, согласно Скиннеру, порождены не природой человека как таковой, а пороками среды и, в частности, воспитания. Коммуна Уолден Два построена так, чтобы каждый чувствовал себя удовлетворенным собой и жизнью.

Фундамент этого общества — рациональная *организация*. Руководители (*менеджеры*) несут ответственность за то, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Эти подкрепления могут быть условно-материальными (*credit hours*)¹¹ или психологическими. *Группа планирования* (*Planners*) разрабатывает распорядок жизни, не вызывающий раздражение, тревогу и прочие негативные эмоции. Группа планирования следит за расписанием обеденных смен, за количеством необходимой техники и за своевременным выполнением работ, избавляя, таким образом, всех остальных от любых стрессовых ситуаций. *Ученые* (*Scientists*) исследуют тенденции общественного развития и разрабатывают прогрессивные модели благоустройства. Очевидно, что акцент в этой специфической цивилизации сделан не на развитии личности, а на приспособлении к идеальной жизни социума.

Предполагается, что жители Уолдена Два не нуждаются в психотерапии (ее место занято адаптивным воспитанием). Скиннер, в сущности, справедливо отмечает, что превентивные меры гораздо эффективней борьбы с последствиями. Невроз в таком свете трактуется как закрепившийся механизм неверной адаптации.

Нельзя не обратить внимание на то, что в трех рассматриваемых нами утопиях отсутствует семья в ее привычном варианте. Новый Мир множит детей в прибирках, а

затем помещает в Младопитомник для последующего формирования обусловленных рефлексов. Уолденские дети практически с самого рождения живут без родителей. Их помещают в общественные ясли, где содержат в специально сконструированных удобных кондиционированных контейнерах (baby boxes)¹². По замыслу автора, эти устройства должны ограждать ребенка от возможного негативного влияния, обеспечивая всем необходимым. Материнская нежность и забота замещены вниманием специально обученного персонала. Аргументом в пользу такого воспитания служит следующий довод: вместо невротической, порой безумной, разрушительной любви родителей ребенок получает любовь всей общины. Что касается родителей, то подобное возвращение, разумеется, обеспечивает им значительную свободу, а также — что немаловажно — предохраняет от раздражения, неизменно испытываемого по отношению к ребенку, чье поведение зачастую не соответствует завышенному уровню их ожиданий. Эти устройства, прозванные *hair conditioners* по созвучию с *hair conditioners*, к счастью, не получили распространения.

Что касается последней утопии Хаксли, то в «Острове» семья не упразднена, но расширена до «групп взаимного усыновления». Замечательно, что причины такого усовершенствования, по существу, те же самые, что у Скиннера. Однако и это очевидное сходство «Уолдена Два» и «Острова» оставлено хакслеводами без внимания.

Отдавая должное теории Скиннера, О. Хаксли неизменно критиковал его трактовку человеческой природы и указывал на то, что последняя не сводится к совокупности поведенческих тактик. Отмечая полное безразличие Скиннера к тому, что Уильям Джеймс называл «физиологическими силами», и к генетическим факторам, Хаксли указывал и на отсутствие в трудах необихевиориста даже намек на открытия конституциональной психологии: «Само по себе изучение поведения практически ничего не дает для понимания тела-созна-

ния индивидуума и его поведения в каждом конкретном случае. <...> Из опыта и наблюдений мы знаем, что различия в телесознании индивидов могут влиять и действительно оказывают глубокое влияние на их социальное окружение»¹³.

В одном Хаксли безусловно соглашается со Скиннером: предотвращение асоциального поведения путем превентивного воздействия на психику человека оказывается не только гуманнее, но и результативнее наказания за проступки. Однако Хаксли никогда не согласился бы с тем, что ради блага человека всю ответственность следует переложить на среду, ведь отсутствие ответственности будет означать и отсутствие свободы. У Скиннера вся система «целей и средств» смещена не в сторону самоактуализации, на непреложной ценности которой настаивала, в частности, экзистенциальная психотерапия, а в сторону этико-биологической адаптации.

Но вернемся к «Острову» Хаксли. Как и в «Уолдене Два», в «Острове» нет места наказанию. Жизнь на Пале организована так, чтобы у человека не возникало ни возможности, ни — главное — необходимости поступать плохо. Но вот что любопытно: основная перипетия в «Острове» построена именно на «сбое в поведенческой программе». Примером подобного сбоя является Муруган, юный наследный принц Палы, не поддавшийся паланезийскому воспитанию. Он оказал стойкое сопротивление любым положительным воздействиям. Думается, что и финал «Острова» является в той или иной мере сознательным откликом на «Уолден Два». Мирный демократический строй Палы свергнут в результате взаимодействия двух факторов. Первый фактор очевиден: это наличие по соседству с Палой милитаристского государства с деспотической формой управления, жаждущего политической и экономической власти над богатой нефтяными залежами Палой. Второй фактор не менее интересен и, возможно, более важен. Речь идет об очевидной педагогической и психотерапевтиче-

ской неудаче паланезийских воспитателей наследного принца, играющего роль политической марионетки при диктаторе соседней державы. Характер и семейная история Муругана оказались не разрешимыми проблемами для местных психологов, применивших, вероятно, почти весь спектр воспитательно-терапевтических методик, но, скорее всего, недооценивших действенность разработанных Скиннером приемов.

Немаловажно и то, что паланезийские правители, хотя и предвидели такой исход для своего идеального государства, тем не менее намеренно не стали налаживать производство оружия или закупать его за границей. Население Палы также совершенно не готово к сопротивлению захватчикам. Следовательно, власти Палы сознательно шли на риск, полагая, что, поступив иначе, нарушили бы буддистский принцип «недеяния», непротивления злу насилием, и пожертвовали бы идеей пацифизма —

Хаксли, как известно, много десятилетий был активным противником любой войны.

Как мы видим, избрав для романа весьма реалистический конец — военную интервенцию на остров и крушение райской жизни, Хаксли продемонстрировал критическое отношение к собственному утопическому построению, к идеализированной картине здорового общества. Это, однако, не означает, что Хаксли предпочел бы вышеописанную скиннеровскую модель, возможно, более надежную и научно выверенную, вместо гуманистической терапии, торжествующей на Пале. Напротив, писатель поддержал главный аргумент оппонентов Скиннера: психические сбои возможны и при успешном адаптивном воспитании. В самом деле, в системе необихевиоризма невозможно найти ответ на вопрос, почему так много великолепно приспособившихся к социуму людей страдают от комплексов и неврозов. Почему они, по существу, глубоко несчастны?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаура Арчера Хаксли, вторая жена Олдоса Хаксли, любезно согласилась дать мне интервью в Голливуде в июне 2004 г. в том самом доме, где последние годы жил и умер писатель. Лаура скончалась на 96 году жизни 13 декабря 2007 г.

² Хаксли О. О Дивный новый мир // О Дивный Новый Мир. Английская антиутопия. Романы. — М., 1990. — С. 321.

³ Цит. по: *Complete Essays of Aldous Huxley* / Ed. Robert S. Baker and James Sexton. — Chicago, 2000. — Vol. IV. — P. 358.

⁴ *Huxley A. Letters* / Ed. Grover Smith. — New York; Evanston, 1969. — P. 847.

⁵ *Sargant W. Battle for the Mind: The Mechanics of Indoctrination, Brainwashing & Thought Control*. — Garden City, New York, 1957.

⁶ *Huxley A. Letters*. P. 847.

⁷ Хаксли читал скиннеровскую монографию 1953 г. «Наука и поведение человека» (*Skinner B.F. Science and Human Behavior*. London: Macmillan, 1953). На нее он ссылается в книге «Снова в Дивном Новом Мире». Кроме того, Хаксли была известна (см. *Complete Essays of Aldous Huxley*, Vol. VI. P. 280) публикация в журнале *Science* дискуссии Скиннера с Карлом Роджерсом на ежегодном заседании Американской психиатрической ассоциации (*Rogers C., Skinner B.F. Some Issues Concerning Human Behavior: A Symposium // Science*. 30 November 1956. Vol. 124, # 3231. P. 1057–1066). Карл Роджерс, принадлежавший к гуманистической ветви психотерапии, настаивает на том, что поведенческий выбор может совершаться вне той парадигмы, которая традиционно рассматривается психологией бихевиоризма. По Роджерсу, поведение может определяться субъективной системой ценностей, добровольно избираемой индивидуумом. Что до Скиннера, то основной его тезис, который вызывает видимое, но не всегда мотивированное раздражение Хаксли: человек — продукт окружающей среды, следовательно, изменив среду, мы изменим поведение человека. Между тем Хаксли явно не оценил изящество рассуждений психолога. При внимательном и непредвзятом прочтении оказывается, что Скиннер готов принять в свою систему ценностей самоактуализацию, о которой говорит Роджерс, однако Скиннер настаивает на том, что прежде всего следует опреде-

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

лить, *каково* назначение самоактуализации, *почему* она представляет для нас ценность? Оба — Скиннер и Роджерс — прибегают в полемике к примеру государства, описанного Олдосом Хаксли в «Дивном Новом Мире». Заметим, что Скиннер предлагает решение проблемы диктатуры, т. е. злоупотребления властью: следует установить контроль над контролерами. Роджерс парирует: Кто будет контролировать контролеров? Ответ Скиннера: контролеров будут контролировать *контрконтролеры*.

⁸ Хаксли О. Остров. — СПб.: Академический проект, 2002. — С. 242–243.

⁹ Skinner B.F. Walden Two. — Upper Saddle River: Prentice Hall, 1976. — P. 257.

¹⁰ Op. cit. P. 505.

¹¹ Скиннеру принадлежит идея «жетонной системы», применявшейся вначале в психиатрических лечебницах и тюрьмах: за безукоризненное исполнение правил выдавались «жетоны», которые впоследствии могли быть обменены на необходимые вещи или на привилегии.

¹² Первый образец такого устройства Скиннер спроектировал для своей дочери, после чего попытался наладить его серийной выпуск. Продукция на рынке не прижилась.

¹³ Huxley A. Brave New World Revisited // Huxley A. Brave New World and Brave New World Revisited. — New York: Harper Perennial, 1965. — P. 81.